

ЛИЧНОСТНО-КОГНИТИВНЫЕ СТИЛИ И ИХ СВЯЗЬ С ТЕМПЕРАМЕНТОМ И ХАРАКТЕРОМ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД РАННЕЙ ЮНОСТИ¹

© 2015 г. В. М. Русалов*, Е. В. Волкова**

** Главный научный сотрудник лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина, доктор психологических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, г. Москва*

*** Ведущий научный сотрудник лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина, доктор психологических наук, там же*

Анализируются результаты сопоставления показателей когнитивных стилей с показателями темперамента и характера. Показано, что в раннем юношеском возрасте стилевая структура может быть представлена тремя когнитивно-стилевыми комплексами: социально-вербальным, эмоционально-моторным и интеллектуальным. Получены данные, подтверждающие, что данные когнитивно-стилевые комплексы сопряжены с разными видами модально-специфической активности (психомоторной, интеллектуальной, коммуникативной). Обнаружено, что когнитивные стили, имея ряд общих связей с показателями модально-специфической активности (темперамента), дифференцированы на уровне черт характера.

Ключевые слова: когнитивные стили, темперамент, характер, когнитивно-стилевые комплексы, ранняя юность, ментальные ресурсы.

В настоящее время уже никем не оспаривается тезис о необходимости учета индивидуальных различий для повышения эффективности производственной, управленческой и образовательной деятельности. Согласно многим авторам, ключевое место в структуре проблем, связанных с изучением индивидуальных различий, занимают когнитивные стили [см., напр., 21, 24, 26, 31, 36, 40, 49].

Когнитивные стили изучались разными авторами с разных позиций и с применением разного инструментария [см., напр., 24, 26, 29, 34, 42, 53]. В исследованиях было выявлено, что различия в когнитивных стилях влияют на процессы восприятия, обучения, решения задач, общения, мышления, интеллекта, творчества [см., напр., 12, 22, 42, 43].

Проблема заключается в том, что литература по когнитивным стилям очень обширна, многообразна и фрагментарна. В обзоре Л. Карри [35] представлено свыше 100 терминов стилей и методов их измерения. В критическом анализе, проведенном Ф. Коффилдом, Д. Мозли, Д. Холлом и

К. Экклстоуном [32] выделен 71 стиль научения. Обилие концепций делает конструкт “когнитивные стили” очень уязвимым как для ученых, так и для практиков [29, 42].

В многообразии подходов и определений необходимо четкое определение конструкта “когнитивный стиль”. Для решения данной проблемы Л. Карри предлагает, во-первых, обозначить место когнитивных стилей в структуре психологических образований; во-вторых, выработать критерии, позволяющие дифференцировать понятие “когнитивный стиль” от других близких понятий [35] – *стиль обучения, стиль мышления, интеллектуальный стиль, индивидуальный стиль деятельности, стиль профессиональной деятельности, стиль общения, стиль саморегуляции* и др.

Все эти разнородные понятия, с точки зрения Е. Григоренко и Р. Стернберга, объединяются термином “стиль”, который обозначает привычный паттерн или предпочитаемый способ действий (на уровне восприятия, мышления, поведения) [39]. Однако, в ситуациях привычного, обычного, предпочитаемого мы употребляем не только термин “стиль”, но и термины “привычка”, “стратегия”, “навык”. Очевидно, что столь “размытое” толкование термина “когнитивный стиль” не упрощает, а только запутывает проблему соотношения

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00087), Институт психологии РАН.

когнитивного стиля с другими индивидуально-психологическими особенностями человека.

Попытки упорядочить, конкретизировать и объединить различные когнитивные стили были предприняты в работах М.А. Холодной [24]; С. Кэссиди [29]; Ф. Коффилда, Д. Мозли, Д. Холла, К. Экклстоуна [32]; Е. Десмедта, М. Валке [37]. Однако, как отмечает И. Кулс, попытки разработать обобщающую непротиворечивую теорию когнитивных стилей пока безрезультатны [34]. До сих пор не раскрыто взаимодействие различных когнитивных стилей между собой и структура когнитивных стилей. Сомнению подвергается не только количество основных стилей, их интерпретация, но и их объективное онтологическое существование [34, 39].

Несмотря на множество дефиниций термина, когнитивный стиль понимается чаще всего как способ, с помощью которого люди воспринимают стимулы окружающей среды и как они используют полученную информацию для организации и управления собственным поведением [40].

Изучая когнитивные стили, мы одновременно сталкиваемся с проблемой способностей [23, 24, 27, 38] и эмоциональной сферы человека [13, 38]. Г. Ходжкинсон и Э. Сэдлер-Смит утверждают, что главный вклад конструкта “когнитивный стиль” состоит в способности объединять когнитивные и личностные процессы в единое целое [42]. Согласно Р. Стернбергу и Е. Григоренко когнитивные стили представляют мостик между тем, что раньше казалось совершенно разными областями психологических исследований – познание и личность [39, 51]. С. Мессик усматривает в когнитивных стилях связующие механизмы между когнитивными, аффективными и социальными пространствами [45].

Интересная точка зрения представлена в работе Р. Райдинга и С. Уигли [50], которые полагают, что поведение человека детерминировано личностными ресурсами (смыслами, планами, задачами). Когнитивные стили играют подчиненную роль, усиливая или ослабляя продуктивность этих ресурсов. Сходную идею высказывает М. Киртон, утверждая, что когнитивные стили являются прямым выражением устойчивых личностных свойств [43]. Многие авторы видят в исследовании когнитивных стилей перспективный подход к изучению индивидуальных особенностей личности [8, 34, 47, 49, 53].

И.П. Шкуратова подчеркивает, что когнитивные стили, являясь важнейшими детерминантами поведения человека, выполняют такие личностно-ориентированные функции, как адапцион-

ную, компенсаторную, системообразующую и функцию самовыражения.

Анализ литературы показывает, что когнитивный стиль как психологическое образование высшего порядка включает в себя не только способы приема и переработки информации, поступающей из предметного мира, но и информации, отражающей межличностный мир общения, мир самоощущения и внутренний мир личности – смысловые, мотивационные и многие другие глубинные особенности человека. Выявлены конкретные эмпирические данные, подтверждающие данную точку зрения [6, 20, 53].

Полученные в эмпирических исследованиях результаты часто носят противоречивый характер. Одной из главных причин существующих разногласий в изучении когнитивных стилей является несоответствие теоретических представлений о когнитивных стилях со способами их измерения. С одной стороны, когнитивные стили уже давно стали трактоваться как индивидуальные (личностные) формы контроля познавательных процессов, обеспечивающие их адекватность и направленность на согласование потребностей субъекта с требованиями окружающей среды [44]. С другой же стороны, до сих пор сохраняется традиция оценивания когнитивных стилей преимущественно с помощью сенсорно-перцептивных методик, берущая начало от Г.А. Уиткина.

В этой связи возникает неотложная задача разработки нового методического аппарата оценивания когнитивных стилей, в котором нашли бы свое отражения новейшие теоретические представления о личностной сущности когнитивных стилей.

В зарубежных исследованиях имеется целый ряд попыток создания опросников когнитивного стиля (*CSQ*) на основе самоотчета [41]. Большой популярностью пользуется метод “Индикатор когнитивного стиля” (*CoSI*), предложенный И. Кулс и Г. Ван ден Броком [33]. Важно отметить, что исследования, проведенные как на детях, так и на взрослых, показали, что опросниковые методы, основанные на самоотчетах, обладают высокой надежностью и довольно высокой валидностью. В исследованиях также обнаружено, что индивидуальные оценки когнитивных стилей, основанные на самоотчете, высоко коррелируют с соответствующими объективными (лабораторными) показателями [28, 30].

Исходя из анализа данных литературы, мы имеем все основания полагать, что когнитивные стили, измеренные на личностном уровне сред-

личности, могут быть названы личностно-когнитивными стилями.

В этой связи эмпирическое изучение соотношений между разными когнитивными стилями и базовыми свойствами личности, например, темпераментом и характером, позволит уточнить наши представления о том, какие когнитивные стили являются “личностными”, а какие “чисто” когнитивными. Сопоставление когнитивных стилей с формально-динамическими (темпераментальными) и содержательно-динамическими (характерологическими) свойствами даст возможность обогатить и конкретизировать научные представления о своеобразии функционирования различных уровней индивидуальности. Такое сопоставление может служить дополнительным аргументом в пользу включения темперамента и характера в случае обнаружения значимых корреляций в структуру ментального опыта человека, поскольку “смешанные” личностно-когнитивные стили, по-видимому, образованы на базе регуляторных механизмов ментального опыта. Есть основания полагать, что именно через стили (восприятие, анализ, структурирование, категоризация, оценивание происходящего на личностном уровне) проявляются индивидуальные формально-динамические свойства человека в условиях реального взаимодействия с окружающим миром.

Формально-динамические свойства – это наиболее фундаментальные характеристики индивидуально-психологических различий, имеющие биологическую детерминацию и описывающие психику человека с точки зрения выносливости, интенсивности, темпа, ритма, пластичности, эмоциональной чувствительности и др. [19]. В соответствии с функционально-системной концепцией поведения П.К. Анохина [1] выделяется четыре нейрофизиологических компонента, определяющие основные формально-динамические свойства. Первое свойство – “эргичность” – соответствует афферентному синтезу. Второе свойство – “пластичность” – соответствует блоку программирования, в котором отражается легкость (гибкость) процесса переключения с одних программ поведения на другие. Третье свойство темперамента – “скорость” – соответствует блоку исполнения и характеризует уровень координации всех подсистем организма. Четвертое свойство – “эмоциональность” – отражает порог чувствительности к несовпадению реального результата действия с “акцептором результата действия” (по П.К. Анохину).

Четыре фундаментальных свойства темперамента могут отличаться друг от друга в зависи-

мости от сферы проявления – психомоторной, интеллектуальной или коммуникативной. Следовательно, можно говорить о разных видах эргичности, пластичности, скорости и эмоциональности в зависимости от сферы проявления.

Рассматриваемая в работе модель характера базируется на специальной теории индивидуальности В.М. Русалова [19] и теоретических воззрениях К. Леонгарда, касающихся типов акцентуированных личностей [9]. Данная модель позволяет анализировать характер в непосредственной связи с темпераментом.

Целью настоящей работы является исследование взаимосвязей между когнитивными стилями, измеренными при помощи самоотчета, и свойствами темперамента и характера, как важнейшими ментальными ресурсами человека.

МЕТОДИКА

Настоящее исследование проводилось на базе общеобразовательной школы г. Москвы на выборке, в которую входил 61 человек, учащиеся 11-го выпускного класса (25 юношей, 36 девушек). Оценивались личностно-когнитивные стили, темперамент и характер.

1. Для оценки когнитивных стилей (К-стилей) была использована подростковая версия (КСИЧ-П) исследовательской методики “Когнитивные стили индивидуальности человека” (КСИЧ)², основанной на самоотчете [2, 19].

За основу конструирования исследовательской методики (КСИЧ) были взяты описательные личностно-поведенческие признаки когнитивных стилей, представленные в работах М.А. Холодной, которые концептуально соответствовали сущностному содержанию стиля [23, 24].

В отличие от традиционных униполярных психологических измерений когнитивных стилей, принятых в психологической литературе, данная исследовательская методика позволяет, развивая идеи М.А. Холодной о “расщепленности” когнитивных стилей, оценивать оба полюса, как самостоятельные психологические образования (самостоятельные шкалы).

В настоящем исследовании использовались шесть основных когнитивных стилей, представленных в виде 12 относительно самостоятельных

² Авторы выражают огромную благодарность за участие в разработке модели когнитивных стилей и в сборе экспериментального материала к.п.н. О.Н. Маноловой и к.п.н. Н.А. Велумян.

шкал, таких, как полезависимость (ПЗ), полнезависимость (ПНЗ), узкий диапазон эквивалентности (УДЭ), широкий диапазон эквивалентности (ШДЭ), гибкость познавательного контроля (ГИБ), ригидность познавательного контроля (РИГ), импульсивность (ИМП), рефлексивность (РЕФ), конкретная концептуализация (КОНКОН), абстрактная концептуализация (АБСКОН), толерантность к нереалистическому опыту (ТОЛ), нетолерантность к нереалистическому опыту (НЕТОЛ).

Ниже представлено обобщенное содержание основных стилевых шкал, положенных в основу конструирования методики КСИЧ-П.

Полезависимость (ПЗ) выражает ориентацию индивида на внешние признаки при решении социальных проблем. Представители этого типа больше доверяют внешним (наглядным) впечатлениям при оценке происходящего.

Полнезависимость (ПНЗ) отражает способность субъекта опираться на собственные знания, опыт, условия задачи, не принимая во внимание мнение окружающих. Такие люди полагаются на внутренний опыт и легко противостоят влиянию других людей ("внешнего поля").

Узкий диапазон эквивалентности (УДЭ) присущ индивидам, склонным ориентироваться на признаки, которые отличают один объект деятельности от другого. Они обладают высокой чувствительностью к деталям, нюансам в деятельности, склонны к четкому выделению границ, точным стандартам в оценке результатов деятельности.

Широкий диапазон эквивалентности (ШДЭ) отражает способность человека к нахождению общей стратегии, общих оценок о предметах и деятельности (черное–белое, хороший–плохой), умение классифицировать объекты деятельности с учетом некоторых обобщенных категориальных оснований.

Гибкость познавательного контроля (ГИБ) свидетельствует о легкости перехода в процессе деятельности с одних личностно-познавательных функций на другие (от абстрактно-вербальных до ярко имажинарных), позволяющей в значительной степени автоматизировать анализ сложного и разнопланового материала.

Ригидность познавательного контроля (РИГ) отражает жесткое следование намеченному плану и инструкциям деятельности при любых обстоятельствах. Данный личностно-когнитивный стиль характеризует степень трудности, испытываемой субъектом при смене способов переработки информации в ситуации решения сложных неоднозначных задач.

Импульсивность (ИМП) указывает на непродуманный спонтанный, и как следствие, высокий темп принятия решений в сложной, неопределенной ситуации и ориентацию преимущественно на эмоционально значимые признаки. Люди с таким личностно-когнитивным стилем быстро выдвигают большое количество гипотез в ситуации выбора и при этом, как правило, допускают много ошибочных решений в идентификации объектов.

Рефлексивность (РЕФ) указывает на замедленный темп принятия решений, на способность субъекта к тщательной поэтапной перепроверке фактов, на использование более продуманных и взвешенных стратегий решения задач.

Конкретная концептуализация (КОНКОН) отражает зависимость субъекта от статуса и авторитета источника информации, незначительную дифференциацию и недостаточную интеграцию понятий, нетерпимость к неопределенности, стереотипность решений, ситуативный характер поведения.

Абстрактная концептуализация (АБСКОН) выражает способность субъекта переступать пределы непосредственного контакта с реальностью и переходить в область более отдаленных временных, пространственных и семантических контекстов. Такие субъекты выбирают нестандартные способы решения проблемы, легко устанавливают разного рода связи и отношения между объектами деятельности.

Толерантность к нереалистическому опыту (ТОЛ) означает умение субъекта принимать оригинальные решения, быть открытым к новому опыту, оценивать его по фактическим характеристикам, даже если эти характеристики не соответствуют или противоречат сложившимся ранее представлениям.

Нетолерантность к нереалистическому опыту (НЕТОЛ) выражает склонность субъекта воспринимать происходящее преимущественно в терминах ожидаемого, обычного, стандартного, сопротивляясь опыту, в котором получаемая информация противоречит имеющемуся личностному опыту. Представители такого стиля, как правило, блокируют неприемлемую, противоречивую информацию.

Валидизация и проверка надежности данной исследовательской методики осуществлялась на независимой подростковой выборке (204 человека, 78 юношей, 126 девушек). Все исследуемые шкалы, измеренные с помощью КСИЧ-П, обладают допустимым уровнем внутренней согласованности (Альфа Кронбаха варьирует вокруг 0.7–0.9) [2].

2. Для оценки темпераментальных особенностей был использован сокращенный вариант подростковой методики “Опросник формально-динамических свойств индивидуальности” [19]. В методике представлены только те пункты, которые получили наибольший вес в вариации различий.

Данный метод позволяет помимо шкальных оценок вычислить суммарные значения (индексы) той или иной модально-специфической активности: психомоторной (АМ), интеллектуальной (АИ), коммуникативной (АК), а также уровень общей эмоциональности (Э), присущей отдельному индивиду. В настоящей работе для анализа были взяты только суммарные индексы темперамента, поскольку в специальных исследованиях было показано, что суммарные показатели активности и эмоциональности обладают более высокой тест-ретестовой надежностью, чем отдельные шкалы, в них входящие.

3. Для оценки черт характера учащихся исследуемой выборки была использована подростковая версия “Опросника черт характера для взрослых” [18, 19]. Предлагаемый опросник характера представляет собой надежный и валидный диагностический инструмент для измерения выраженности десяти черт характера (по К. Леонгарду): гипертимность (Гип), застревание (Зас), эмотивность (Эмо), педантичность (Пед), тревожность (Тре), циклотимность (Цик), демонстративность (Дем), возбудимость (Воз), дистимность (Дис), экзальтированность (Экз).

Шкалы ОЧХ-П обладают высокой надежностью (тест-ретестовая корреляция для всех шкал не менее 0.7) и высокой внутренней согласованностью (альфа Кронбаха для всех шкал не ниже 0.7).

В настоящем исследовании используется краткая версия опросника ОЧХ-П-20. Данная версия опросника составлена из вопросов, получивших наибольший вес в вариации различий. Сокращенные шкалы ОЧХ-П-20 имеют высокую корреляцию ($r \leq 0.6$, $p < 0.05$) со шкалами полной версии ОЧХ-П [19].

Статистическая обработка материала проводилась на базе стандартных программ из пакета SPSS 10. Проверка данных на нормальность распределения осуществлялась по критерию Колмогорова–Смирнова. Для оценки взаимосвязи показателей когнитивных стилей, темперамента и характера использовался корреляционный и факторный анализ (метод главных компонент с последующим вращением по критерию Varimax).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Дескриптивный анализ данных

Поскольку опросник когнитивных стилей используется в эмпирическом исследовании впервые, после прохождения обязательных психометрических процедур мы сочли необходимым представить средние значения и стандартные отклонения изучаемых стилей (Табл. 1).

Согласно полученным данным, средние значения когнитивных стилей варьируют от 17.28 (ПНЗ) до 10.85 (НЕТОЛ). Это означает, что наиболее выраженным стилем в период ранней юности (16–17 лет) является “Полезезависимость” и наименее выраженным “Нетолерантность к нереалистическому опыту”. К-стили у старшеклассников отличаются яркими индивидуальными различиями. Стандартное отклонение колеблется от 2.96 (ШДЭ, минимальный разброс) до 3.86 (АБСКОН, максимальный разброс).

Факторный анализ данных

Факторный анализ К-стилей, рассмотренных независимо от характера и темперамента, позволил выделить три значимых фактора, описывающих около 70% дисперсии признаков (Табл. 2.). Выделенные три фактора охватывали фактически все изучаемые К-стилевые признаки. В первый фактор вошли шесть К-стилей, второй фактор составили четыре К-стиля, третий фактор содержал три К-стиля.

Полученные данные о структуре К-стилей явно не подтверждают точку зрения сторонников “множественной” теории, согласно которой каждый стилевой параметр следует рассматривать как независимое психологическое измерение [7, 52]. Результаты факторного анализа свидетельствуют в пользу противоположной точки зрения, согласно

Таблица 1. Дескриптивные данные К-стилей.

К-стили	Mean	St.D.	Min	Max
ПЗ	13.39	3.44	7.00	21.00
ПНЗ	17.28	3.55	8.00	25.00
УДЭ	16.10	3.84	7.00	25.00
ШДЭ	15.34	2.98	8.00	21.00
ГИБ	15.97	3.42	7.00	23.00
РИГ	10.90	3.10	6.00	17.00
ИМП	13.05	3.84	6.00	20.00
РЕФ	14.92	3.76	7.00	24.00
КОНКОН	14.34	3.85	7.00	25.00
АБСКОН	14.18	3.86	7.00	23.00
ТОЛ	15.41	3.63	8.00	22.00
НЕТОЛ	10.85	3.27	5.00	17.00

которой существуют определенные устойчивые комплексы когнитивных стилей, или К-стилей, объединенные некоторыми общими психическими механизмами [46, 48].

Выявленный фактор I отражает существование у молодых людей юного возраста важного когнитивно-стилевого комплекса включающего *полнезависимость, широкий диапазон эквивалентности, гибкость, импульсивность, абстрактную концептуализацию и нетолерантность к нереалистическому опыту*. Все эти когнитивные черты указывают на попытки молодых людей опираться на собственные знания и опыт, не полагаясь на мнения окружающих (ПНЗ). Они уже способны находить общие стратегии деятельности и классифицировать объекты с учетом обобщенных категориальных оснований (ШДЭ). Они легко переходят в процессе деятельности с одних личностно-познавательных функций на другие (ГИБ). Им свойственен высокий темп принятия решений в сложной, неопределенной ситуации и ориентация преимущественно на высоко значимые признаки (ИМП). И, возможно, поэтому в данном возрасте молодые люди пытаются все еще воспринимать окружающий мир преимущественно в терминах ожидаемого, обычного, стандартного, но сопротивляются, если получаемая информация противоречит имеющемуся личному опыту (НЕТОЛ).

Второй по значимости когнитивно-стилевой комплекс, отраженный в факторе II, объединил: *узкий диапазон эквивалентности, рефлексивность, толерантность и нетолерантность к нереалистическому опыту*. Выделенные когнитивные особенности указывают на высокую чувствительность молодых людей к деталям, нюансам в деятельности, склонность к четкому выделению границ, точным стандартам в оценке результатов деятельности (УДЭ). Их отличает замедленный темп принятия решений, тщательная поэтапная перепроверка фактов, использование продуманных и взвешенных способов решения задач (РЕФ). Особого обсуждения требует тот результат, что значимые веса стилевых показателей толерантности и нетолерантности вошли в данный фактор с разными знаками. Учитывая то, что между этими показателями отсутствует значимая корреляционная связь ($r = 0.130$), мы не можем говорить о выраженной толерантности как характеристике данного фактора. По-видимому, в психике и поведении учащихся выпускных классов, то, что было прежде дилеммой, становится единством новой сущности или, как это ни парадоксально, перестает быть дилеммой [10]. В этом возрасте молодые люди испытывают большие за-

Таблица 2. Факторная структура К-стилей в период ранней юности. Звездочкой указаны значимые веса стилевых показателей. Использовался метод главных компонент с последующим вращением по критерию *Varimax*.

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
ПЗ	-0.21130	0.30697	0.59585*
ПНЗ	0.67374*	0.29688	-0.25698
УДЭ	0.21913	0.74168*	0.071161
ШДЭ	0.55477*	0.22466	-0.06230
ГИБ	0.74848*	0.06174	-0.01607
РИГ	-0.08977	0.03369	0.48368*
ИМП	0.71627*	-0.22181	0.34482
РЕФ	0.07071	0.68585*	-0.06770
КОНКОН	0.19658	-0.07925	0.67560*
АБСКОН	0.49297*	0.24528	-0.27728
ТОЛ	0.11156	0.80375*	0.25015
НЕТОЛ	0.55385*	-0.49559*	0.24348

труднения в процессе взаимодействия с внешним миром, с одной стороны, они продолжают воспринимать окружающий мир преимущественно в терминах ожидаемого, обычного, стандартного (НЕТОЛ). Но, с другой, будучи любознательными и открытыми к новому опыту, они легко выявляют новые характеристики реальности, которые не соответствуют или противоречат сложившимся ранее представлениям и личностному опыту, и способны нередко принимать оригинальные решения (ТОЛ). По-видимому, в этом противоречивом сочетании и кроется одна из главных причин конфликтности в период ранней юности.

И наконец, третий когнитивно-стилевой комплекс – фактор III, объединивший такие К-стили, как *полнезависимость, ригидность и конкретную концептуализацию*, отчетливо демонстрирует тот факт, что 15–16-летние индивидуумы ориентируются главным образом на внешние признаки при решении социальных проблем (ПЗ). К-стиль “*Ригидность познавательного контроля (РИГ)*” отражает жесткое следование ими намеченному плану и инструкциям деятельности при любых обстоятельствах. Данный стиль свидетельствует об изрядной степени трудности, которую старшеклассники испытывают при смене способов переработки информации в ситуации решения сложных и неоднозначных задач. Респонденты зависят от статуса и авторитета источника информации, поскольку у них отмечается еще незначительная дифференциация и недостаточная интеграция понятий, нетерпимость к неопределенности, стереотипность решений, ситуативный характер поведения (*конкретная концептуализация*).

Корреляционный анализ данных

Выявленные К-стили и их факторные устойчивые комплексы были сопоставлены с устойчивыми характеристиками индивидуальности – темпераментом и характером.

Анализ связей между показателями модально-специфической активности обнаружил только одну отрицательную корреляцию – между показателем моторной активности и общей эмоциональности ($r = -0.347$; $p = 0.06$). Это позволяет выделить три когнитивно-стилевых комплекса, названных нами в соответствии с показателями активности темперамента, вошедшими в данный комплекс: социально-вербальный, эмоционально-моторный и интеллектуальный.

Социально-вербальный комплекс объединил в сфере темперамента общую коммуникативную активность, в сфере характера – гипертимность и дистимность, в когнитивно-стилевой сфере – узкий диапазон эквивалентности, рефлексивность и толерантность.

Эмоционально-моторный стилевой комплекс охватил в сфере темперамента общую моторную активность (отрицательно) и общую эмоциональность. В сфере характера сюда вошли три эмоциональных черты: тревожность, циклотимность и экзальтированность, а из когнитивных стилей – только один К-стиль “Ригидность”.

И наконец, интеллектуальный стилевой комплекс объединил в сфере темперамента общую интеллектуальную активность и фактически все основные когнитивные стили (фактор I, табл. 2), за исключением ШДЭ. В сфере характера не выявлено ни одной черты, которая была бы значимо связана с показателем интеллектуальной активности.

Для более детального анализа обратимся к табл. 3. Согласно полученным данным, из двенадцати изучаемых К-стилей большинство оказались достоверно связаны с индексами темперамента, исключение составили полезависимость (ПЗ), широкий диапазон эквивалентности (ШДЭ) и конкретная концептуализация (КОНКОН). Количество значимых связей показателей К-стилей с показателями характера достоверно меньше ($\chi^2 = 2.47$; $p < 0.10$). Изучаемые когнитивные

стили сопряжены лишь с некоторыми показателями характера. По-видимому, индивидуальное своеобразие когнитивно-стилевых комплексов в период ранней юности в большей степени обусловлено влиянием формально-динамических (темпераментальных, биологически обусловленных) свойств индивида по сравнению с социально-культурными факторами.

Выявлена интересная картина. Во-первых, разные когнитивные стили, имея ряд общих связей с показателями темперамента, полностью дифференцируются на уровне черт характера. Например, полезависимость и гибкость познавательного контроля, имеющие одинаковые положительные корреляции, только с показателями интеллектуальной и коммуникативной активностью темперамента, различаются на уровне черт характера. Полезависимость имеет отрицательные корреляции с эмотивностью и тревожностью ($p = 0.000$; $p = 0.002$; $p = 0.028$; $p = 0.002$; соответственно), в то время как гибкость имеет положительные связи с демонстративными чертами личности ($p = 0.039$; $p = 0.011$; $p = 0.001$).

Узкий диапазон эквивалентности, широкий диапазон эквивалентности, рефлексивность, имеющие положительные связи с высоким уровнем коммуникативной активности, также различаются на уровне характера ($0.05 \leq p \leq 0.001$).

Во-вторых, один из показателей бинарной оппозиции (например, полезависимость–полезависимость) может быть связан с одними, а второй – с другими показателями темперамента или не вообще иметь связей с показателями темперамента. Данный факт подтверждает гипотезу М.А. Холодной о “расщепленности” когнитивных стилей.

Например, конкретная концептуализация не связана ни с одним темпераментальным свойством, однако имеет положительную связь с высоким уровнем демонстративности ($p = 0.043$). Абстрактная концептуализация, напротив, обнаруживает положительные корреляции со всеми модальностями темперамента (психомоторной, интеллектуальной, коммуникативной) и общей эмоциональностью ($p < 0.001$; $p = 0.007$; $p = 0.008$; $p = 0.030$). Этот когнитивный стиль

Таблица 3. Количество значимых корреляций между показателями К-стилей, темперамента и характера

	Когнитивные стили – темперамент	Когнитивные стили – характер	χ^2
Количество значимых корреляций	16 из 48	24 из 120	2.47*
% значимых парных корреляций	33%	20%	

также связан с высокими показателями гипертимности ($p = 0.001$).

Аналогичная картина – наличие связей с показателями темперамента у одного когнитивного стиля и их отсутствие у оппозиции – наблюдается относительно показателей полнезависимость и полезависимость, толерантность и нетолерантность.

Если гибкость познавательного контроля значимо связана с показателями интеллектуальной и коммуникативной активности темперамента, то ригидность отрицательно коррелирует с активностью темперамента в психомоторной и коммуникативной сфере ($p = 0.016$; $p = 0.016$). Притом, чем ниже показатели активности темперамента в данных сферах (ПА, КА), тем выше показатели застревания, тревожности и дистимности.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Эмпирическое исследование взаимосвязей между когнитивными стилями, свойствами темперамента и характера в период ранней юности позволило выделить три когнитивно-стилевых комплекса в структуре индивидуальности – интеллектуальный, социально-вербальный и эмоционально-моторный.

Исходя из концепции П.К. Анохина [1] о специфичности неспецифической активации активирующей системы мозга, согласно которой каждый тип активности обеспечивается возбуждением собственной неспецифической активирующей системой, обладающей особой химической специфичностью, а также представлений В.Д. Небылицына [11] о структуре психической активности, можно полагать, что функционирование данных комплексов реализуется посредством разных активационных механизмов.

Таким образом, в качестве критерия систематизации, упорядочивания и объединения всего многообразия когнитивных стилей могут быть использованы различные аспекты активности³ темперамента, соответствующие разным аспектам мозговой активации (эмоционально-моторная, социально-вербальная и интеллектуальная).

Поскольку психическое развитие реализуется в направлении все большей дифференциации психологических функций и систем, сопровождаемая последовательно все более сложными их интег-

рациями [5, 25], следует ожидать, что конкретное содержание этих комплексов будет иметь свои особенности в разных возрастных диапазонах.

Интеллектуальный когнитивно-стилевой комплекс обуславливает успешность и качественное своеобразие познавательной деятельности, усиливая или ослабляя продуктивность ментальных ресурсов человека. По-видимому, общим моментом, объединяющим когнитивные стили данного блока, является необходимость для их функционирования достаточно высокого уровня активации специфических мозговых структур, отвечающих за интеллектуальную активность и обеспечивающих энергетическую составляющую построения высокодифференцированных и иерархически упорядоченных структур ментального опыта.

Опираясь на исследования Н.И. Чуприковой и Т.А. Ратановой [16, 25], М.А. Холодной [23, 24], Е.В. Волковой [3, 4, 5], В.М. Русалова и И.Н. Трофимовой [17], А.А. Обознова и Д.Л. Петрович [12], М.А. Падун [14, 15] и других исследователей, можно полагать, что специфические различия когнитивных стилей, образующих данный комплекс, могут проявляться в индивидуальном своеобразии способов построения структур ментального опыта, ведущих к артикулированности или глобальности восприятия мира, общества и самого себя, то есть способов построения высокодифференцированных и иерархически упорядоченных структур ментального опыта. Однако вопрос о конкретном содержании этих способов, их операционном составе и последовательности, требует дальнейших исследований.

Социально-вербальный стилиевой комплекс обуславливает успешность и качественное своеобразие коммуникативной деятельности, усиливая или ослабляя ее продуктивность. Коммуникативная активность отличается от интеллектуальной и моторной активности мозговых структур. Ярко выраженная биологически обусловленная потребность в общении и взаимодействии с людьми может выступать в качестве общего момента, объединяющего когнитивные стили данного блока. Дифференциация этих стилей, по-видимому, реализуется на уровне черт характера, в которых закрепились индивидуально-своеобразные способы речевого взаимодействия. Данные способы взаимодействия могут вести к повышению активности, инициативности, оптимизму, хорошему настроению (гипертимность) или к понижению активности, настроения, пессимизму (дистимность).

Эмоционально-стилевой комплекс, по-видимому, можно отнести к категории “негативного”

³ Психическая активность понимается нами как внешне наблюдаемое проявление мозговой активации, динамические особенности поведения человека (темперамент).

ресурса или “антиресурса”. Негативные проявления данного стилевого комплекса, по-видимому, обусловлены более низкими показателями активации моторных зон коры головного мозга и высокой чувствительностью к расхождению реального результата действия с “акцептором результата действия”, а также низкой психологической дифференциацией, что приводит к значительным трудностям при смене способов переработки информации в ситуации решения сложных и неоднозначных задач, зависимости от статуса и авторитета источника информации. Отсюда следуют тревожность, колебания настроения без видимых причин, повышенная эмоциональная неустойчивость. Поэтому, при наличии ярко выраженного эмоционально-моторного стилевого комплекса в структуре индивидуальности, важнейшая роль на пути позитивного развития личности отводится внесубъектным ресурсам. Так, в исследованиях Е.В. Волковой [3, 4] показано, что темпераментальные свойства индивидуальности (моторная, интеллектуальная и коммуникативная активности, общая эмоциональность) только обеспечивают более благоприятные условия для формирования специальных способностей и интеллектуальной компетентности, но не определяют их уровень.

Полученные в настоящем исследовании результаты, несомненно, требуют дальнейшего уточнения и эмпирической верификации. Тем не менее, выявленные связи между когнитивными стилями и индивидуально-психологическими особенностями – темпераментом и характером – могут служить дополнительным подтверждением теоретической гипотезы о значимости данных свойств индивидуальности в структуре ментальных ресурсов человека.

ВЫВОДЫ

1. В раннем юношеском возрасте когнитивно-стилевая структура может быть представлена тремя компонентами, включающими следующие комплексы: (1) полнезависимость, широкий диапазон эквивалентности, гибкость, импульсивность, абстрактную концептуализацию и нетолерантность к нереалистическому опыту; (2) узкий диапазон эквивалентности, рефлексивность, толерантность и нетолерантность к нереалистическому опыту; (3) полезависимость, ригидность и конкретную концептуализацию.

2. Получены данные, подтверждающие представление, что когнитивно-стилевые комплексы сопряжены с разными видами модально-специ-

фической активности: (1) – интеллектуальной, (2) – коммуникативной, (3) – психомоторной.

3. Обнаружено, что когнитивно-стилевой комплекс (1), сопряженный с показателями общей интеллектуальной активности, не коррелирует с показателями черт характера.

4. Показано, что количество достоверных корреляций когнитивных стилей с показателями темперамента значимо выше, чем с показателями темперамента, что свидетельствует о дифференциации когнитивных стилей на уровне черт характера.

5. Выявлено, что в период ранней юности наиболее выраженным стилем является “Полнезависимость”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968.
2. Велумян Н.А. Индивидуально-психологические предпосылки выбора профессии в подростковом и юношеском возрасте. Дис. ... канд. психол. н. М., 2013.
3. Волкова Е.В. О природных предпосылках химических способностей // Известия Уральского государственного университета, 2008. № 60. Серия I: Проблемы образования, науки и культуры. Выпуск 24. С. 34–42.
4. Волкова Е.В. Психология специальных способностей: дифференционно-интеграционный подход. М.: Москва, Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011.
5. Волкова Е.В. Единство дифференционно-интеграционных механизмов развития специальных способностей и креативности в контексте роста научных знаний // Психол. журн., 2014. № 1. С. 54–70.
6. Егорова М.Е. Проблема зависимости-независимости от поля и возможность ее исследования в генетике // Вопр. психол., 1981. № 4. С. 161–168.
7. Клаус Г. Когнитивные стили // Введение в дифференциальную психологию / Пер. с нем. Под ред. И.В. Равич-Щербо. М.: Педагогика, 1987. С. 92–113.
8. Колга В.А., Лебедева Н.М., Агеев В.С. Семинар по когнитивным стилям // Вопр. психол., 1986. № 5. С. 187–188.
9. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д.: Феникс, 1997.
10. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
11. Небылицын В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М.: Наука, 1976.
12. Обознов А.А., Петрович Д.Л. Оценка приборной информации: Когнитивно-стилевые характе-

- ристики // Экспериментальная психология, 2009. Т. 2. № 4. С. 74–80.
13. Палей А.И. Эмоциональность и когнитивный стиль: соотношения и психофизиологические характеристики // Психологические проблемы индивидуальности. Вып. 1. М., 1983.
14. Падун М.А. Когнитивный стиль и депрессия // Экспериментальная психология, 2009. Т. 2. № 4. С. 81–90.
15. Падун М.А., Загряжская Е.А., Гракова Г.С. Взаимосвязь когнитивного стиля “Полезависимость–полнезависимость” и предпочитаемой копинг-стратегии // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005. С. 216–219.
16. Ратанова Т.А., Чуприкова Н.И. Время реакции как показатель дискриминативной способности мозга // Психология высших когнитивных процессов. Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.И. Чуприковой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2004. С. 33–56.
17. Русалов В.М., Трофимова И.Н. О представленности типов психической деятельности в различных моделях темперамента // Психол. журн., 2011. Т. 32. № 3. С. 74–84.
18. Русалов В.М., Манолова О.Н. Опросник черт характера взрослого человека (ОЧХ-В). М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2003.
19. Русалов В.М. Темперамент в структуре индивидуальности человека. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012.
20. Серегина Т.Н. Черты личности и когнитивный стиль (Взаимодействие и роль в успешности обучения): Дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2001.
21. Толочек В.А. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013.
22. Холодная М.А., Кострикина И.С. Особенности когнитивных стилей “импульсивность/рефлексивность” и “ригидность/гибкость познавательного контроля” у лиц с высокими и сверхпороговыми значениями IQ // Психол. журн., 2002. Т. 23. № 6. С. 72–82.
23. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.
24. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.
25. Чуприкова Н.И. Умственное развитие: Принципы дифференциации. СПб.: Питер, 2007.
26. Шкуратова И.П. Когнитивный стиль и общение. Ростов н/Д.: РГПУ, 1994.
27. Armstrong S.J. The influence of cognitive style on performance in management education // Educational Psychology, 2000. No 20. P. 323–339.
28. Blajenkova O., Kozhevnikov M., Motes M.A. Object-spatial imagery: a new self-report imagery questionnaire // Applied cognitive psychology, 2006. Vol. 20. P. 239–263.
29. Cassidy S. Learning styles: an overview of theories, models, and measures // Educational Psychology, 2004. No 24. P. 419–444.
30. Campos A., Campos-Juanatey D. Mental rotation and object-spatial-verbal cognitive styles // Revista de estudios e investigacion, 2014. Vol. 1. No 1. P. 100–102.
31. Child D. Cognitive Styles: Some recent ideas of relevance to teachers / D. Child. Personality, Cognition and Values. London: Palgrave Macmillan, 1986. P. 171–195.
32. Coffield F., Moseley D., Hall E., Ecclestone K. Learning styles and pedagogy in post-16 learning: a systematic and critical review. London: Learning & Skills Research Centre, 2004.
33. Cools E., Van den Broek H. Development and validation of the Cognitive Style Indicator // Journ. of Psychology: Interdisciplinary and Applied, 2007. Vol. 141. No 4. P. 359–387.
34. Cools E. A reflection on the future of the cognitive style field: a proposed research agenda // Reflection Education, 2009. Vol. 5. No 2. P. 19–34.
35. Curry L. Review of learning style, studying approach, and instructional preference research in medical education / International perspectives on individual differences / R.J. Riding, S.G. Rayner (Eds.). Vol. 1: cognitive styles. Stamford, CT: Ablex, 2000. P. 239–276.
36. Curry L. Enabling life long learning at work and at school: what should we do if we meant it? Keynote address, Enabling Lifelong Learning in Education, Training and Development, Eleventh Annual Conference of the European Learning Styles Information Network, June 12–14, Oslo, Norway, 2006.
37. Desmedt E., Valcke M. Mapping the learning styles jungle: an overview of the literature based on citation analysis // Educational Psychology, 2004. No 24. P. 445–464.
38. Furnham A. The relationship of personality and intelligence to cognitive learning style and achievement // International handbook of personality and intelligence. D.H. Saklofske & M. Zeidner (Eds.). New York: Plenum Press, 1995. P. 397–413.
39. Grigorenko E.L., Sternberg R.J. Thinking styles / International handbook of personality and intelligence. D.H. Saklofske & M. Zeidner (Eds.). New York: Plenum Press, 1995. P. 205–229.
40. Hayes J., Allinson C.W. Cognitive style and the theory and practice of individual and collective learning in organizations // Human Relations, 1998. No 51. P. 847–871.
41. Haefel G.J., Gibb B.E., Metalsky G.I., Alloy L.B., Abramson L.Y., Hankin B.L., Joiner T.E., Swend-

- sen J.D. Cognitive vulnerability to depression: Development and validation of the Cognitive style questionnaire // *Clinical psychology Review*, 2008. Vol. 28. 824–836.
42. *Hodgkinson G.P., Sadler-Smith E.* Complex or unitary? A critique and empirical re-assessment of the Allinson-Hayes Cognitive Style Index // *Journ. of Occupational and Organizational Psychology*, 2003. No 76. P. 243–268.
43. *Kirton M.J.* Adaption-innovation in the context of diversity and change. New York: Routledge, 2003.
44. *Klein G.S.* Perception, motives and personality. NY.: Knopf, 1970.
45. *Messick S.* Bridging cognition and personality in education: the role of style in performance and development // *European Journ. of Personality*, 1996. No 10. P. 353–376.
46. *Paivio A.* Styles and strategies of learning // *British Journ. of Education Psychology*, 1971. Vol. 46. P. 128–148.
47. *Pervin L.* Current controversies and issues in personality. N.Y., 1994.
48. *Richardson A.* Verbalizer-Visualizer: A cognitive style dimension // *Journ. of Mental Imagery*, 1971. Vol. 1. P. 109–125.
49. *Riding R.J.* Cognitive style: a strategic approach for advancement / *International perspectives on individual differences* / R.J. Riding & S.G. Rayner (Eds.). Vol. 1: cognitive styles. Stamford, CT: Ablex, 2000. P. 365–377.
50. *Riding R.J., Wigley S.* The relationship between cognitive style and personality in further education students // *Personality and Individual Differences*, 1997. No 23. P. 379–389.
51. *Sternberg R.J., Grigorenko E.L.* Are cognitive styles still in style? // *American Psychologist*, 1997. No 52. P. 700–712.
52. *Widiger T.A., Knudson R.M., Rover L.G.* Convergent and discriminant validity of measures of cognitive style and abilities // *Journ. of Personality and Social Psychology*, 1980. Vol. 39. P. 116–129.
53. *Witkin H.A., Goodenough D.R.* Cognitive styles: Essence and Origin. Field dependence and field independence. N.Y., 1982.

PERSONAL COGNITIVE STYLES AND THEIR CORRELATION WITH PERSON'S TEMPERAMENT AND CHARACTER IN EARLY YOUTH

V. M. Rusalov*, E. V. Volkova**

* *Sc.D. (psychology), professor, principal researcher, laboratory of psychology of abilities and mental resources named after V.N. Druzhinin, Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS, Moscow;*

** *Sc.D. (psychology), leading researcher, laboratory of psychology of abilities and mental resources named after V.N. Druzhinin, the same place*

The results of comparison of cognitive styles indices with temperament and character traits are analyzed. It is shown that three cognitive-style complexes can express style structure in early youth: socio-verbal, emotional-motor and intellectual. The data confirm that these cognitive-style complexes are joined with different types of modality-specific activity (psychomotor, intellectual, and communicative). It was also revealed that cognitive styles, having a number of common correlations with indices of modality-specific activity (temperament), are differentiated at the level of character traits.

Key words: cognitive styles, temperament, character, cognitive-style complexes, early youth, mental resources.